Елена К.

Станция Фата-Моргана

18+

Елена К.

Станция «Фата-Моргана»

«Автор»
2026

К. Е.

Станция «Фата-Моргана» / Е. К. — «Автор», 2026

Научно-фантастический триллер, где реальность гнётся под тяжестью вины, а станция становится живым хищником.Семнадцать лет назад команда учёных вошла в «слепую зону» станции «Фата-Моргана», чтобы остановить аномалию — и исчезла без следа, став частью системы. Их боль, страхи и решения превратились в топливо для механизма, который переписывает реальность.Спустя годы группа инспекторов находит в заброшенном секторе крошечный след — зашифрованное сообщение от инженера Павла. Но сверху приходит приказ: свернуть расследование. Громов и Лина понимают: кто-то знает правду и не хочет, чтобы она всплыла. Теперь им придётся искать ответы втайне, рискуя не только жизнями, но и свободой.Каждый коридор здесь — зеркало, в котором отражается самое тёмное в человеке. Каждый шаг может стать последним. А тишина она всегда врёт.Для поклонников мрачной научной фантастики, напряжённых сюжетов и историй.

© К. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Керн 317: когда лёд начинает помнить раньше тебя 6
Глава 2. Эхо, которое опережает шаг 8
Глава 3. Запись, которой не должно быть 11
Глава 4. Свет, который не должен гореть 14
Глава 5. Маршрут, которого не было 17
Глава 6. Круг, который сжимается 20
Глава 7. Вентиляция, в которой живут чужие сны 24
Глава 8. Импульс, который должен всё стереть 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Елена К.
Станция «Фата-Моргана»

Все события, персонажи, локации и организации, описанные в этой истории, — плод воображения. Любые совпадения с реальными людьми, местами или событиями абсолютно случайны. Это просто тени, рождённые тишиной станции и игрой света на инее. ##

Глава 1. Керн 317: когда лёд начинает помнить раньше тебя

На научной станции «Полюс-Б» было три вещи, в которых никто не сомневался: во первых, кофе тут варили такой, что им можно было снимать старую краску со стен; во вторых, полярные ночи длились слишком долго, чтобы не начать разговаривать с приборами; и в третьих, Арктика не любила, когда её тревожили.

Анна стояла у буровой установки и смотрела на керн, как на врага, которого всё-таки удалось поймать. Керн был длиной почти в четыре метра — аккуратный цилиндр древнего льда, похожий на гигантский ледяной карандаш, который кто-то забыл в морозилке на миллион лет. На нём уже успели появиться мелкие иголочки инея, будто лёд пытался защититься от тепла станции.

— Ну, здравствуй, старичок, — пробормотала Анна, постучав по ледяной трубе металлическим пинцетом. Звук получился глухим, как будто лёд не хотел отвечать. — Посмотрим, что ты там прятал.

Рядом, склонившись над планшетом, Марк водил пальцем по графику и бормотал что-то про «биосигнатуры». Он был из тех учёных, которые, увидев плесень на хлебе, сразу начинали мечтать о Нобелевской премии.

— Тут аномалия плотности на 317 метрах, — сказал он, не поднимая глаз. — Как будто лёд там не просто замёрз, а… задумался.

— Задумался? — фыркнула Анна. — Лёд не думает. Он либо твёрдый, либо течёт, если ты забыл курс гляциологии.

— А вдруг это метафора? — не сдавался Марк.

— Метафора не оставляет трещин в буровой коронке, — парировала Анна. — А эта оставила.

Игорь, техник станции, стоял в дверях, скрестив руки, и смотрел на них так, будто они только что предложили разобрать реактор ради сувениров.

— Вы его сюда притащили, — проворчал он. — Теперь он здесь. И, судя по тому, как он на меня смотрит, он не в восторге.

— Лёд не смотрит, — сказала Анна. — У него нет глаз.

— Зато у него есть память, — буркнул Игорь. — И она, похоже, длиннее моей пенсии.

В лаборатории было холодно даже по арктическим меркам — плюс два градуса. Это была необходимая мера: керн нельзя было подвергать резким перепадам температур. Анна аккуратно закрепила образец в держателе и включила ультрафиолетовую подсветку.

И вот тут лёд начал показывать свои секреты.

Внутри цилиндра, среди привычных пузырьков воздуха, тянулись тонкие, почти невидимые нити. Они не были похожи ни на минеральные включения, ни на органические остатки. Они напоминали… тени. Тени, застывшие в движении.

— Это что, паутина? — спросил Марк, наклоняясь так близко, что его дыхание оставило на стекле испарину.

— В керне возрастом в двести тысяч лет? — Анна закатила глаза. — Если это паутина, то паук был размером с ледокол и очень пунктуальным.

Марк достал спектрометр и начал снимать показания. Прибор запищал, как будто обиделся на результаты.

— Странно, — пробормотал он. — Плотность этих нитей… она не соответствует ни одному известному материалу. И показатель преломления… он будто меняется.

— Меняется? — переспросила Анна. — Или тебе кажется?

— Или мне кажется, — признал Марк. — Но прибор тоже это видит.

Игорь хмыкнул:

— Вот поэтому я и не трогаю то, что лежало двести тысяч лет. Пусть лежит.

Но было уже поздно.

Анна решила сделать тонкий срез для микроскопа. Она взяла алмазную пилу — инструмент, который мог резать даже мечты, если бы они были твёрдыми — и аккуратно подвела лезвие к керну.

В этот момент в лаборатории что-то щёлкнуло. Не громко, но отчётливо — как будто кто-то перевёл тумблер в положение «теперь будет страшно».

На секунду все замерли. Потом Марк нервно хихикнул:

— Это, наверное, реле щёлкнуло. Или… пингвин чихнул за стеной.

— Пингвины тут не водятся, — сухо заметила Анна.

— Значит, это был полярный медведь в наушниках, — не растерялся Марк.

Они продолжили работу. Срез получился идеально ровным — тонкая пластинка древнего льда, прозрачная, как слеза времени. Анна поместила её на предметное стекло и посмотрела в микроскоп.

Сначала она увидела привычные структуры: кристаллы, пузырьки, микроскопические пылинки. А потом — нити. Под увеличением они выглядели как тончайшие волокна, переплетённые в сложный узор. Узор напоминал… схему. Схему чего-то.

— Марк, подойди сюда, — позвала Анна, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Скажи, что это похоже на… ну, не знаю… на что угодно, кроме карты станции.

Марк заглянул в окуляр. Его лицо медленно меняло выражение: от любопытства к недоумению, а потом к чему-то, похожему на ужас.

— Это… — начал он и замолчал.

— Что? — поторопила Анна.

— Это похоже на схему, — наконец выговорил Марк. — Только не станции. А… туннелей. Подземных туннелей, которых тут быть не может.

Игорь подошёл и посмотрел через плечо Марка. Его брови поползли вверх, как два удивлённых червяка.

— Туннели, говоришь? — проворчал он. — Тут вечная мерзлота. Тут даже кроты не копают.

— Может, это просто совпадение, — неуверенно предположил Марк.

— Совпадение не оставляет следов в льду, — возразила Анна. — Это… как будто кто-то нарисовал это внутри.

Она сделала ещё один срез — чуть глубже. И снова увидела тот же узор. Только теперь он был чуть изменён. Как будто… обновлён.

— Ладно, — сказала Анна, отходя от микроскопа. — Мы сейчас сделаем три вещи. Во-первых, снимем все данные. Во-вторых, задокументируем каждый миллиметр. В-третьих, никому не скажем, что нам кажется, будто лёд рисует карты.

— А если он начнёт рисовать портреты? — пошутил Марк, но в его голосе уже не было прежнего веселья.

— Тогда мы скажем, что у него плохой вкус, — ответила Анна, пытаясь улыбнуться. — И попросим не тратить наш бюджет на краски.

Но когда она повернулась к керну, ей показалось, что узор внутри слегка изменился. Совсем чуть-чуть. Как будто лёд… прислушался к разговору.

Глава 2. Эхо, которое опережает шаг

Утро на «ПолюсеБ» всегда наступало одинаково: сначала щёлкали реле, потом трещали стены от мороза, а уже потом люди начинали притворяться, что они бодры и готовы к науке. Анна сидела в кают-компании, смотрела на кружку с кофе и подозревала, что напиток сегодня решил эволюционировать и стать самостоятельным видом.

— Если он сейчас начнёт шевелиться, я не буду его пить, — мрачно сказала она Марку, который уже третий раз подряд пытался намазать масло на хлеб так, будто это секретная операция.

— Он просто концентрированный, — бодро отозвался Марк. — В нём столько кофеина, что, возможно, он помнит Вторую мировую.

Игорь, вошедший с улицы, выглядел так, будто Арктика пыталась его завербовать, а он вежливо отказался, но шрамы остались. Он стряхнул с куртки иней прямо на пол — привычка, за которую в любом другом месте его бы выгнали, но здесь это считалось формой общения с пространством.

— На улице ветер такой, что даже снег боится выпадать, — проворчал он, стягивая перчатки. — И антенна опять легла.

Анна вздохнула. Антенна падала примерно раз в три дня, и каждый раз это было событие государственного масштаба — потому что без неё станция оставалась наедине со своими мыслями, а мысли тут были не самые дружелюбные.

— Ладно, — сказала Анна, отодвигая кофе. — Сначала разберёмся с керном. Потом с антенной. Потом, если останется время, подумаем, как выжить.

В лаборатории керн 317 стоял на том же месте, будто и не двигался вовсе. Но Анне показалось, что иней на нём лёг иначе — не хаотичными кристалликами, а почти геометрически ровно, как будто лёд пытался что-то написать, но не знал алфавита.

Марк уже склонился над спектрометром, хмурясь так, будто прибор лично его обидел.

— Слушай, — пробормотал он, не поднимая глаз, — у этих нитей… ну, тех, что внутри… показатель преломления опять скакнул. На 0,03. Это, как если бы стекло вдруг решило, что оно теперь вода.

— Или как если бы оно решило, что мы — это оно, — буркнула Анна. — Давай без метафизики до обеда.

Она включила камеру макросъёмки и начала делать серию снимков среза, который они сделали вчера. По протоколу нужно было зафиксировать любые изменения структуры за ночь. Гляциология — наука медленная, но сегодня ей хотелось, чтобы лёд хоть немного поторопился с сюрпризами.

Первые кадры выглядели нормально: кристаллы, пузырьки, те самые тонкие нити. Анна пролистала снимки дальше. И вдруг замерла.

— Марк, — тихо сказала она. — Подойди сюда.

Он подошёл, наклонился, прищурился. Потом моргнул, будто пытался сбросить картинку и увидеть заново.

— Это… — начал он.

— Не говори «это невозможно», — перебила Анна. — Я ненавижу эту фразу. Особенно когда она правда.

На снимке узор из нитей был другим. Не совсем другим — основные линии остались, но добавились новые ответвления, которых вчера не было. И самое неприятное: эти новые линии повторяли схему вентиляционных ходов станции. Точно. До миллиметра.

— Может, это артефакт съёмки? — неуверенно предположил Марк. — Или конденсат на объективе?

— Конденсат не чертит схемы, — сухо ответила Анна. — Особенно такие, которых нет в проектной документации.

Игорь, стоявший у двери, скрестил руки и посмотрел на керн так, будто тот был гостем, который слишком задержался на вечеринке.

— Я же говорил, — проворчал он. — Не трогайте то, что лежало двести тысяч лет. Оно привыкло к тишине.

— А теперь оно привыкает к нам, — пробормотала Анна, открывая журнал наблюдений. — Ладно. Фиксируем: изменение структуры волокон внутри керна. Временной интервал — за ночь. Геометрическая корреляция с инфраструктурой станции.

Марк нервно хихикнул:

— Звучит как начало письма в Нобелевский комитет. Или в психдиспансер.

Анна не улыбнулась. Она взяла планшет и открыла данные с датчиков температуры и влажности в лаборатории. И тут её пальцы замерли над экраном.

— Ребята, — сказала она, и голос вдруг стал тише, будто она боялась, что её услышит не только команда. — Посмотрите на график.

Температура в лаборатории за ночь упала на полтора градуса. Не критично, но странно — система климат контроля работала в штатном режиме, и никаких сбоев не фиксировалось. А вот влажность… влажность, наоборот, выросла. Причём локально: датчики у самого керна показывали значения на 12 % выше, чем в остальной комнате.

— Это как? — спросил Марк. — Лёд… потеет?

— Лёд не потеет, — ответила Анна, но в голосе уже не было прежней уверенности. — Но если он меняет структуру, возможно, происходит какойто фазовый переход. Микротаяние. Или… чтото ещё.

Она подошла к держателю, осторожно наклонилась, чтобы рассмотреть керн поближе. И в этот момент услышала звук. Тихий, едва уловимый. Как будто ктото очень аккуратно провёл ногтем по стеклу.

Анна замерла. Марк тоже. Даже Игорь перестал хмуриться и прислушался.

Звук повторился. И на этот раз Анна поняла: он шёл не снаружи. Он шёл изнутри керна.

— Это не может быть, — прошептал Марк.

— Опять «не может быть», — процедила Анна. — Отлично.

Она достала из ящика шумомер — прибор, который обычно использовали для замеров вибрации буровой установки. Приложила его к поверхности керна. Экран мигнул, выдал цифру… и тут же сбросился на ноль. Анна поморгала, проверила питание, приложила снова. На этот раз прибор показал значение, но оно было странным: частота 18,7 Гц. Почти инфразвук. Такой низкий, что ухо едва улавливало его как вибрацию в груди.

— Это… сердцебиение? — нервно пошутил Марк.

— Это физика, — отрезала Анна, хотя сама не верила собственным словам. — Возможно, термические напряжения. Или…

Она не успела договорить. В этот момент в коридоре чтото грохнуло. Не сильно, но достаточно, чтобы все подпрыгнули.

— Что это было? — спросил Марк, глядя на дверь так, будто оттуда вотвот выйдет ктото, кого лучше не видеть.

Игорь медленно подошёл к двери, приоткрыл её и выглянул в коридор. Потом вернулся, закрыл дверь и посмотрел на них так, будто собирался сказать, чтото очень серьёзное. Но вместо этого просто сказал:

— Там ничего нет.

Это прозвучало страшнее, чем если бы он сказал: «Там монстр».

Анна вернулась к керну. И только сейчас заметила ещё одну деталь. На поверхности льда, прямо над тем местом, где был сделан срез, появилась тонкая, почти невидимая линия. Как

царапина. Только она не была сделана инструментом. Она выглядела так, будто лёд сам себя… исцарапал.

— Мы должны это задокументировать, — сказала Анна, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Каждый параметр. Каждую мелочь. И… я хочу, чтобы мы проверили личные записи. Вдруг ктото видел, чтото странное. Сны. Ощущения. Даже если это звучит глупо.

Марк кивнул, но выглядел так, будто уже жалел, что вообще приехал в Арктику.

— Знаешь, — сказал он, — я всегда думал, что самое страшное в науке — это гранты, которые не дают. А теперь понимаю: самое страшное — это когда данные начинают спорить с тобой.

— Именно, — согласилась Анна. — И сейчас они явно выигрывают.

Она сделала ещё один снимок керна. И когда посмотрела на экран, ей показалось, что узор внутри снова чуть-чуть изменился. Совсем немного. Как будто лёд прислушивался к их разговору… и решал, какую часть правды показать дальше.

Глава 3. Запись, которой не должно быть

Ночь на «ПолюсеБ» всегда приходила не как время суток, а как состояние души: тяжёлое, густое, будто воздух становился плотнее и начинал давить на виски. Анна сидела в кают-компании, перед ней лежал планшет, а рядом — распечатанные снимки керна. На каждом новом кадре узор внутри льда будто чуть-чуть смещался, как будто кто-то невидимый аккуратно подрисовывал линии тонкой кистью.

Марк, устроившийся напротив, грыз карандаш — привычка, которая в нормальных условиях раздражала, а сейчас почему-то успокаивала: по крайней мере, он был живым, тёплым и грыз что-то материальное.

— Знаешь, — пробормотал он, не глядя на Анну, — я тут подумал… может, это просто оптическая иллюзия? Ну, типа, кристаллы растут, преломление меняется, мозг достраивает паттерны…

— Мозг достраивает лица в облаках, — отрезала Анна. — А не схемы вентиляционных шахт, которых нет в проекте.

Марк вздохнул и положил карандаш.

— Ладно. Значит, лёд рисует. И делает это целенаправленно. Вопрос: зачем?

— Пока вопрос другой, — сказала Анна, постукивая пальцем по экрану планшета. — Откуда он знает планировку станции? Мы её не публиковали. Даже в открытых отчётах — только общие схемы.

В этот момент в дверь постучали. Не громко, но так, что оба вздрогнули — будто Арктика решила напомнить, что она всё слышит.

На пороге стоял Игорь. В руках он держал потрёпанную картонную папку с надписью «Архив. Внутр. исп.», а на лице у него было такое выражение, будто он только что нашёл в холодильнике просроченный йогурт, но решил всё равно его попробовать — ради науки.

— Тут кое-что нашлось, — буркнул он, ставя папку на стол. — В старом шкафу, за коробками с фильтрами. Я думал, это макулатура. А потом увидел дату.

Анна открыла папку. Внутри лежали пожелтевшие листы, распечатки графиков и одна потрёпанная аудиокассета с пометкой «Эксп. 87/12. Не использовать».

— 1987 год? — переспросила Анна. — Это же ещё до реконструкции.

— До реконструкции, — кивнул Игорь. — Тогда тут была другая станция — «ПолюсА». Её потом разобрали и перенесли модули, но фундамент остался. И кое-что ещё.

Марк потянулся к кассете.

— Мы её послушаем?

Анна помедлила. В фильмах кассеты всегда приносили только проблемы. Но в науке не бывает «не будем слушать, чтобы не было страшно». В науке бывает «запишем, задокументируем и разберёмся».

— Да, — сказала она. — Но сначала оцифруем. Не хочу, чтобы механика щёлкала посреди ночи.

Через двадцать минут они сидели в лаборатории, где на ноутбуке тихо шипел аудиофайл, оцифрованный с кассеты. Голос на записи был хриплым, усталым, будто человек говорил, уже почти сдавшись.

«…температура в скважине упала на семь градусов за час. Не может быть, это противоречит всем моделям. Лёд ведёт себя как… как будто он сопротивляется. Мы взяли керн на 290 метрах. Внутри — странные волокна. Они не похожи на органические. И они… меняются. Я не знаю, как это объяснить. Кажется, будто лёд запоминает нас. Каждый раз, когда мы к нему подходим, он немного другой. Сегодня утром я увидел в структуре… схему. Очень похожую на нашу станцию. Но не совсем. Как будто это станция… из другого времени.

Или из будущего. Я не сплю, я не брежу. Просто цифры не сходятся. И ещё… я начал вспоминать вещи, которых не было. Вчера я клялся, что помню, как мы ставили третий модуль. Но его поставили в 85м, а я приехал только в 87м. И все остальные… они тоже что-то вспоминают. Не свои воспоминания. Чужие. Или… не чужие. Как будто мы все уже были здесь. Много раз. И каждый раз что-то идёт не так…»

Запись оборвалась резким щелчком.

В лаборатории повисла тишина. Даже приборы будто перестали гудеть.

— Ну, — наконец выдавил Марк, — если это розыгрыш, то очень дорогой. Кто будет подделывать кассету 87го года ради шутки?

— Никто, — тихо сказала Анна. — Это не розыгрыш.

Игорь скрестил руки и посмотрел на керн так, будто тот был главным подозреваемым.

— Значит, это уже было, — проговорил он. — И закончилось плохо.

— Или не закончилось, — поправила Анна. — Может, оно… продолжается.

Она встала, подошла к держателю, где стоял керн 317. На поверхности льда теперь была не одна царапина, а целая сеть тонких линий — как будто мороз пытался написать письмо, но не знал букв.

И тут Анна поняла одну вещь. Ту, от которой по спине пробежал не просто холодок, а целый арктический фронт.

— Ребята, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — вы ничего не замечали… странного? В последнее время?

Марк нахмурился.

— Странного? Ну… мне кажется, что я уже делал этот бутерброд. Дважды.

Игорь хмыкнул:

— Я вчера клялся, что не брал запасные перчатки. А сегодня они лежат у меня на столе. И пахнут… как будто их носили.

Анна медленно кивнула.

— А у меня… — она запнулась, подбирая слова, — у меня всплыло воспоминание. Я помню, как подписывала журнал наблюдений… завтрашним числом. И это не ошибка. Я помню, как ставила дату. И помню, как писала фразу: «Не трогай лёд. Он помнит нас раньше, чем мы себя».

Марк побледнел.

— Это… это из дневника той экспедиции, — прошептал он. — Та фраза… она была в заметках. В папке.

— Но я её не читала, — твёрдо сказала Анна. — До этой минуты.

В этот момент термометр на стене тихо щёлкнул и показал 3 °C. В комнате, где отопление работало на максимум.

— Ладно, — сказала Анна, делая глубокий вдох. — У нас есть три варианта. Первый: мы собираем все данные, упаковываем керн в изоляцию и ждём эвакуации. Второй: мы пытаемся понять, как остановить этот… эффект. Третий: мы сидим и ждём, пока лёд начнёт диктовать нам наши же воспоминания.

— Я за первый, — быстро сказал Марк.

— И я, — буркнул Игорь.

— Хорошо, — кивнула Анна. — Тогда действуем по протоколу. Но сначала… я хочу сделать ещё один срез. Последний. Чтобы зафиксировать структуру.

— Ты уверена? — спросил Марк.

— Нет, — честно призналась Анна. — Но, если мы не зафиксируем, никто не поверит. А если поверит… нам всё равно никто не поможет.

Она взяла алмазную пилу. Керн тихо щёлкнул — будто вздохнул.

И в этот момент по всей станции одновременно погас свет.

Тишина стала такой густой, что её можно было резать той же пилой.

— Это просто авария, — сказал Марк, голос его дрожал. — Просто ветер сорвал линию.

— Просто, — эхом повторил Игорь.

Но Анна знала: ничего не бывает просто. Особенно когда лёд начинает помнить раньше тебя.

Глава 4. Свет, который не должен гореть

Темнота на «ПолюсеБ» была не просто отсутствием света — она была плотной, осязаемой, будто сама станция решила натянуть на себя чёрное одеяло и притвориться, что её тут нет. В первые секунды после отключения электричества тишина звучала громче любого шторма: пропали привычные гудки датчиков, затих гул вентиляции, и даже треск стен от мороза стал каким-то… личным, будто Арктика наклонилась и шепчет прямо в ухо.

— Так, — голос Игоря прозвучал твёрдо, как будто он специально сделал его громче, чтобы перекрыть страх. — Не паниковать. У нас есть фонари. У нас есть дизель. И у нас есть привычка выживать там, где чайники замерзают изнутри.

Марк, судя по звуку, уронил чтото металлическое.

— Я просто… искал фонарик, — пробормотал он, и в голосе слышалось столько вины, будто он лично виноват в аварии.

Анна нашарила на столе налобный фонарь, щёлкнула кнопкой — и узкий луч света выхватил из темноты кусок столешницы, стопку распечаток и… край керна.

Лёд в луче фонаря выглядел иначе. Не просто холодным и прозрачным — он будто слегка мерцал изнутри, как будто в нём горели крошечные, едва заметные огоньки. Не электрический свет, не отражение — что-то другое. Будто сама структура льда начала излучать собственное свечение.

— Это… нормально? — шёпотом спросил Марк, глядя на керн так, будто тот вотвот заговорит.

— Нет, — честно ответила Анна. — Это вообще не нормально. Лёд не светится. Если только в нём нет биолюминесцентных бактерий, а двести тысяч лет под вечной мерзлотой — не самое гостеприимное место для вечеринок планктона.

Игорь уже натягивал утеплённую куртку, щёлкая застёжками.

— Идём к дизельному, — скомандовал он. — Резерв должен подхватить нагрузку. Если не подхватит — будем сидеть в темноте и слушать, как Арктика поёт колыбельные.

— А керн? — спросил Марк.

Анна помедлила. Оставить его здесь, в темноте, казалось неправильным — как будто оставить ребёнка в пустой комнате, где что-то шуршит в углу.

— Мы его не трогаем, — сказала она. — Но я поставлю рядом датчик температуры и включу автономную камеру на запись. Пусть фиксирует всё, что будет происходить.

Она быстро закрепила датчики, проверила, что камера пишет — зелёный огонёк мигнул в темноте, как одинокий маяк. И в этот момент ей показалось, что узор внутри керна… чуть-чуть сдвинулся. Совсем немного — как будто кто-то провёл по невидимой карте пальцем.

«Это просто игра света», — сказала себе Анна. Но пальцы всё равно слегка дрожали, когда она застёгивала куртку.

Путь к дизельному отсеку шёл через длинный коридор, который в темноте казался вдвое длиннее. Фонари выхватывали из мрака только узкие конусы света, а всё остальное пространство оставалось в тени — и в этой тени, казалось, шевелилось что-то, чего лучше не видеть.

— Слушай, — тихо сказал Марк, шагая рядом с Анной, — а если это… ну, не физическое явление? Если это… информационное?

— Что значит «информационное»? — переспросила Анна, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Ну, типа… лёд хранит не только газы и пыль. Он хранит… события. Как магнитная лента. И сейчас эта лента… перезаписывается. Или проигрывает чтото.

— Звучит как сценарий для фильма категории Б, — буркнул Игорь впереди. — Но если это так, то я голосую за то, чтобы выключить проигрыватель.

Они дошли до двери в дизельный отсек. Игорь потянул ручку — и дверь не поддалась.

— Заело? — спросил Марк.

— Или замёрзло, — процедил Игорь, дёргая сильнее.

В этот момент Анна заметила странность: ручка была ледяной, но не просто холодной — она будто покрылась инеем *изнутри* металла. Как будто холод шёл не снаружи, а рождался прямо в самой конструкции.

— Подожди, — сказала Анна. — Посмотри на термометр у двери.

На маленьком цифровом табло цифры бежали вниз: +2… +1… 0… 1… 3…

— Это невозможно, — прошептала она. — Система держит температуру. Даже при отключении питания буферные аккумуляторы должны были удержать климат контроль хотя бы на пару часов.

— Видимо, буфер решил, что ему холодно, — нервно хихикнул Марк.

Игорь наконец распахнул дверь — с таким треском, будто металл протестовал. Внутри отсека было ещё холоднее. Дизель стоял, чёрный и неподвижный, как спящий зверь. Игорь щёлкнул тумблером — ничего. Ещё раз. Тишина.

— Не берёт, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на растерянность. — Аккумулятор должен был сработать. Должен.

Анна подошла к панели управления, провела пальцем по экрану — тот остался чёрным.

— Может, контакты замёрзли? — предположил Марк.

— Может, — кивнул Игорь. — Но это не объясняет, почему температура падает так быстро.

И тут Анна поняла ещё одну вещь. Она посмотрела на свои часы — обычные механические, без электроники. Стрелки показывали 03:17.

Ровно то же время, когда на старой записи учёный говорил о «странных воспоминаниях». Ровно то же время, когда, по его словам, лёд впервые начал «помнить».

— Ребята, — тихо сказала она, — посмотрите на свои часы.

Марк щёлкнул кнопкой на своих электронных — экран моргнул и погас.

— Батарея села, — пробормотал он.

У Игоря были такие же, как у Анны, механические. Он посмотрел на циферблат, нахмурился.

— У меня… 03:15. Но я мог ошибиться.

— А у меня — 03:17, — сказала Анна. — И я не ошибаюсь.

В этот момент в коридоре чтото щёлкнуло. Тихо, но отчётливо — как будто переключился невидимый тумблер.

И вдруг в отсеке загорелся тусклый, голубоватый свет.

Но не от ламп. Лампы были выключены. Свет шёл… от стен. Тонкие ледяные прожилки в бетоне начали слабо мерцать, как будто по ним бежал электрический ток — только это был не ток, а что-то другое. Холодное, синее, чужое.

Марк отшатнулся.

— Это… это невозможно, — прошептал он.

— Опять невозможно, — процедила Анна. — Отлично.

Свет становился ярче. И вместе с ним в воздухе появилось странное ощущение — будто пространство вокруг них слегка… сдвинулось. На долю миллиметра. Но этого хватило, чтобы у Анны закружилась голова, а в ушах зазвучал тихий, ритмичный гул — как будто, где-то далеко билось огромное, холодное сердце.

И в этот момент по внутренней связи, которая должна была молчать, раздался голос.

Не голос Игоря. Не голос Марка.

Это был голос Анны.

— «Не трогай лёд. Он помнит нас раньше, чем мы себя», — произнёс голос, ровный и спокойный, будто она сама это сказала. Но она не говорила.

Марк побледнел. Игорь схватился за стену, будто боялся упасть.

А Анна поняла: лёд не просто запоминал. Он предсказывал. Он проигрывал будущее — и делал это так убедительно, что даже её собственный голос начинал верить в эти слова.

— Нам нужно вернуться, — сказала она, стараясь не дать голосу дрогнуть. — К керну. Прямо сейчас.

— Зачем? — хрипло спросил Марк. — Чтобы он показал нам ещё чтото?

— Потому что, — ответила Анна, — если мы не поймём, как это остановить, он начнёт не просто показывать. Он начнёт… заменять.

Они бросились обратно по коридору. Свет в стенах следовал за ними, как будто станция сама хотела их видеть. И когда они ворвались в лабораторию, первое, что они увидели, был керн.

Он светился. Не мерцал — а именно светился, как будто внутри него зажгли холодную, голубую звезду.

А на поверхности льда появилась новая линия. Тонкая, чёткая, будто нарисованная чьейто невидимой рукой.

Линия повторяла маршрут — тот самый, по которому они только что шли к дизельному отсеку.

Как будто лёд уже знал, что они вернутся.

Глава 5. Маршрут, которого не было

Лаборатория встретила их не просто холодом — а ощущением, будто воздух стал гуще, как сироп, и каждый вдох приходится буквально проталкивать внутрь. Керн 317 стоял в держателе, и теперь его свечение было уже не робким мерцанием, а ровным, холодным светом, от которого тени в углах комнаты казались глубже и чернее.

Анна шагнула вперёд, стараясь не смотреть на новую линию на поверхности льда — ту самую, что повторяла их путь к дизельному отсеку. Смотреть на неё было всё равно что ловить собственное отражение в кривом зеркале: вроде ты, а не ты.

— Ладно, — сказала она, голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Это не магия. Это физика. Просто такая физика, которую мы пока не понимаем. Значит, будем бить по ней тем, что понимаем.

Марк, стоявший у двери так, будто собирался в любой момент выскочить в коридор, нервно кивнул.

— Например… чем? — спросил он. — У нас тут нет ускорителя частиц.

— Зато у нас есть криокамера, — ответила Анна. — Та, что для образцов при 80 °C. Если мы поместим керн туда, возможно, мы остановим эти… изменения структуры. Заморозим процесс.

Игорь, который всё это время молчал, наконец подал голос — хриплый, будто слова царапали горло:

— А если мы его заморозим, а он там… проснётся?

Анна на секунду замерла. Вопрос был не из тех, на которые есть хороший ответ. Но в науке ты не ждёшь, пока появится идеальный ответ — ты делаешь то, что можешь.

— Тогда мы хотя бы узнаем, что он просыпается при 80, — сказала она. — А не при комнатной температуре. Это уже данные.

Она подошла к держателю, осторожно, будто лёд мог укусить, и начала отсоединять крепления. В этот момент термометр на стене тихо щёлкнул — и показал 5 °C. В помещении, где даже в самые лютые метели система держала плюс два.

— Это ненормально, — пробормотал Марк.

— Ненормально — это когда лёд рисует карты, — буркнула Анна. — А температура — это просто симптом.

Когда она наконец сняла керн с держателя, ей показалось, что он стал тяжелее. Не на граммы — на ощущение. Как будто вместе с весом он забрал часть пространства вокруг себя.

— Держи фонарь на нём, — приказала она Марку. — Каждую секунду. Если он начнёт… меняться прямо у меня в руках — я должна это видеть.

Марк направил луч света. И в этот момент Анна заметила ещё одну деталь: внутри керна, среди нитей и узоров, появилось что-то новое. Не линия, не схема — а крошечная, почти незаметная полость. И в этой полости… что-то двигалось. Совсем чуть-чуть. Как будто там, в сердцевине древнего льда, кто-то очень медленно повернул голову.

«Это просто преломление света», — сказала себе Анна. Но руки всё равно сжались крепче.

Они двинулись к криокамере — коротким, выверенным маршрутом, чтобы не тратить силы и не терять свет. Коридор, казалось, стал уже: стены будто слегка сдвинулись, а тени в углах теперь не просто лежали — они следили.

Криокамера находилась в соседнем отсеке — небольшом, тесном помещении, забитом стеллажами с пробирками и контейнерами. Анна поставила керн на рабочий стол, быстро надела термостойкие перчатки и открыла дверцу камеры. Внутри было темно и холодно — настоящий, честный мороз, без всяких фокусов.

— Так, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал как на обычной лабораторной процедуре. — Сейчас мы его помещаем внутрь, закрываем, и я ставлю температуру на минимум. Если структура стабилизируется — отлично. Если нет… будем думать дальше.

Марк стоял у входа, светил фонарём, и его тень на стене выглядела странно — будто у неё было больше углов, чем положено.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил он, и в голосе слышалась не просто тревога, а чтото ещё — будто он уже не верил, что тут вообще чтото может сработать.

— Я не уверена, — честно призналась Анна. — Но это единственный вариант, который не звучит как «давайте помолимся».

Она взяла керн, подняла его… и в этот момент лёд тихо щёлкнул. Звук был такой, будто внутри чтото сдвинулось — как шестерёнки в старом замке.

И тут по внутренней связи снова раздался голос. Тот же спокойный, ровный голос Анны.

— «Не выходи из круга», — произнёс он.

Анна замерла. Марк побледнел. Игорь выругался — коротко, ёмко и очень порусски.

— Это… не я, — сказала Анна, хотя никто и не думал, что это она.

— Он… перехватывает связь? — прошептал Марк.

— Или предсказывает, — процедила Анна. — И, если он предсказывает, значит, он знает, что мы собираемся сделать.

В этот момент керн в её руках слегка дрогнул. Совсем чутьчуть — как будто попытался вырваться.

Анна крепче сжала перчатки.

— Нет, — сказала она вслух, будто обращаясь к самому льду. — Ты не командуешь.

Она шагнула к криокамере и резко опустила керн внутрь. Дверца захлопнулась с глухим, тяжёлым звуком — как будто станция вздохнула.

На панели управления Анна быстро выставила температуру: 80 °C. Потом 85. Потом, не раздумывая, 90.

Индикатор моргнул, загудел компрессор… и вдруг замер. На экране появилась надпись: «Ошибка системы».

— Что?! — рявкнула Анна, стуча по панели. — Это промышленный агрегат! Он не должен выдавать ошибки!

Но надпись не исчезала. А через секунду экран погас.

И в тот же момент свет в стенах — тот самый голубоватый, ледяной свет — стал ярче. Он уже не мерцал — он пульсировал, в такт чему-то, чего никто не слышал, но все чувствовали: как будто само пространство вокруг них начало отсчитывать секунды.

Марк отшатнулся к стене.

— Он не даёт его заморозить, — прошептал он. — Он… сопротивляется.

Анна повернулась к нему, и в этот момент её взгляд упал на стол. На том самом месте, где только что стоял керн, на металлической поверхности осталась тонкая, чёткая линия — как будто лёд выжег её холодом.

Линия повторяла маршрут — не тот, по которому они шли сюда, а другой. Маршрут, который вёл… вниз. В технические тоннели под станцией. Туда, где никто не бывал годами.

— О боже, — прошептал Марк, глядя на линию. — Он не просто рисует. Он… зовёт.

Игорь шагнул вперёд, заслоняя собой дверь, будто мог остановить то, что уже началось.

— Мы никуда не пойдём, — сказал он твёрдо. — Ни по каким маршрутам.

Но в этот момент по внутренней связи снова прозвучал голос. И на этот раз он был не один. Теперь там были и другие голоса — тихие, наложенные друг на друга, как эхо из разных времён. Голоса людей, которых здесь не было. Голоса из 1987 года. Голоса тех, кто уже пытался это остановить.

— «…мы не можем его выключить…» — прошептал один. — «…он знает, где мы…» — добавил другой. — «…не выходи из круга…» — повторил голос Анны.

Анна схватила рацию, щёлкнула кнопкой передачи.

— Кто это?! — крикнула она в микрофон. — Кто управляет связью?!

Тишина. Потом — тихий, ровный гул. И наконец, один единственный звук: щелчок, как будто кто-то положил трубку.

А потом свет в стенах погас.

Лаборатория погрузилась в темноту. Только зелёный огонёк камеры, которую Анна успела включить до этого, мигал в углу — одинокий, беспомощный маяк в океане холода.

И в этой темноте Анна почувствовала, как температура падает ещё сильнее. Как будто сама станция решила стать частью льда.

— Нам нужно вернуться в жилой модуль, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Там есть аварийные аккумуляторы. Там мы сможем…

Она не успела договорить.

Потому что в этот момент криокамера щёлкнула. Дверца медленно, будто против своей воли, начала открываться.

Внутри было темно. И пусто.

Керна там не было.

Марк тихо, отчаянно выругался.

— Куда он делся?! — прошептал он.

Анна медленно повернулась, водя лучом фонаря по комнате. И нашла его.

Керн стоял… нет, не стоял — он лежал на полу, прямо на той самой линии, что была выжжена на металле. И он снова светился — но теперь свет был не голубым. Он был тёмно-синим, почти фиолетовым. И от него шли тонкие, едва заметные нити холода, расползавшиеся по полу, как трещины по стеклу.

— Он сам выбрался, — прошептала Анна. — Или его… выпустили.

В этот момент по всему отсеку пробежала лёгкая вибрация. Как будто чтото огромное шевельнулось глубоко под станцией.

И гдето внизу, под фундаментом, чтото тихо, ритмично щёлкнуло. Раз. Два. Три.

Как будто ктото считал шаги.

Глава 6. Круг, который сжимается

Холод теперь не просто висел в воздухе — он стал активным участником событий. Он двигался, пробирался под одежду, цеплялся за кожу, будто хотел запомнить каждого из них. В отсеке криокамеры, где ещё минуту назад горел одинокий зелёный огонёк камеры, теперь царила полная темнота. Только керн 317 отбрасывал тусклое фиолетовое свечение, и от него по полу тянулись тонкие, как волоски, ледяные нити — они ползли медленно, но неумолимо, словно щупальца, пробующие пространство на прочность.

Анна стояла, крепко сжимая в руке фонарь, и старалась дышать ровно. Паника — это роскошь, которую они не могли себе позволить: она съедала кислород быстрее, чем мороз высасывал тепло.

— Он не просто «выбрался», — тихо сказала она, глядя на керн, лежащий точно на выжженной линии. — Он выбрал это место. Как будто оно для него… правильное.

Марк, прижавшийся спиной к стене, будто надеялся, что она его защитит, сглотнул.

— А линия… — прошептал он. — Та, что ведёт вниз. Это… приглашение?

— Или ловушка, — буркнул Игорь. Он стоял, широко расставив ноги, как будто готовился удержать на плечах не только себя, но и всю станцию. — И я не собираюсь туда идти.

Анна медленно повела лучом фонаря по полу. Линия, выжженная холодом, действительно уходила к техническому люку — тяжёлой круглой крышке в полу, которую никто не открывал годами. Люк был заперт на массивный засов, но сейчас засов выглядел странно: на металле проступили тонкие морозные узоры, а сам металл будто потемнел, как будто холод въелся в него навсегда.

И тут Анна вспомнила слова с кассеты: «Не выходи из круга».

Она резко подняла голову, оглядывая помещение. Круг. Не фигура речи. Геометрия. Станция «ПолюсБ» была построена по модульному принципу, но её ядро — жилой модуль, лаборатория, энергоузел — образовывали почти идеальный круг. И керн стоял сейчас ровно на границе этого круга, на линии, которая его пересекала.

— Ребята, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, — слушайте меня внимательно. Я думаю, «круг» — это не метафора. Это структура станции. И пока мы внутри него, у нас есть… какая-то защита. А если мы пересечём эту линию — вниз, в тоннели — мы выйдем из него. И тогда…

— Тогда он получит полный доступ, — закончил Марк, и в его голосе прозвучало понимание, от которого стало ещё холоднее.

Игорь посмотрел на люк, потом на Анну.

— Значит, не открываем, — твёрдо сказал он. — Пусть ползёт этот лёд, пусть щёлкает, пусть хоть поёт — мы не идём вниз.

Но в этот момент станция снова вздрогнула. Вибрация прошла по полу, поднялась по стенам, заставила звякнуть инструменты на полке. И вслед за вибрацией пришёл звук — низкий, ритмичный, как удары огромного, медленного сердца. Раз. Два. Три. Четыре.

— Это не лёд, — прошептала Анна. — Это… под нами.

Марк вдруг дёрнулся, будто его ударило током.

— Я… я слышу это не ушами, — пробормотал он, прижимая ладони к вискам. — Я чувствую это… внутри. Как будто это бьётся у меня в груди.

Анна шагнула к нему, схватила за руку. Его кожа была ледяной, а пульс — слишком быстрым, как у загнанного зверя.

— Это резонанс, — сказала она, сама не до конца веря своим словам, но цепляясь за науку, как за спасательный трос. — Лёд, вибрации, структура станции — всё это работает как резонатор. Он усиливает сигнал. И этот сигнал… влияет на нас.

Керн снова щёлкнул. На этот раз звук был громче, отчётливее. И в тот же момент свечение внутри него изменилось: фиолетовый оттенок стал глубже, почти чёрным, и по нему пробежали тонкие искры — как разряды статического электричества.

Анна посмотрела на автономную камеру. Зелёный огонёк больше не мигал. Он погас.

— Нет, — прошептала она. — Только не это.

Она бросилась к камере, щёлкнула кнопкой, потрясла её — бесполезно. Камера была мертва. Как и все датчики, как и связь, как и дизель. Станция отключалась, один узел за другим, и делала это не из-за аварии, а будто по чьему-то плану.

— Мы должны вернуться в жилой модуль, — сказала Анна, поворачиваясь к Игорю и Марку. — Там есть аварийные аккумуляторы. Там мы сможем…

Она не успела договорить.

Потому что люк в полу вдруг дрогнул.

Не сильно, но заметно. Как будто чтото снизу надавило на него. Засов, покрытый инеем, тихо звякнул.

Марк попятился, налетел на стол, едва не упал.

— Оно… оно хочет, чтобы мы спустились, — прошептал он.

— Или оно само поднимается, — процедил Игорь, хватая тяжёлый гаечный ключ — единственное, что нашлось под рукой, и единственное, что хоть как-то ощущалось реальным.

В этот момент по внутренней связи снова раздался голос. Но теперь это был не голос Анны. Это был голос из прошлого — хриплый, усталый, тот самый, с кассеты.

«…он не даёт нам уйти. Он держит нас здесь. Мы думали, что это лёд. Но это… память. Память места. И она голодна. Она хочет вспомнить всё. Даже то, чего не было…»

Запись оборвалась, но эхо осталось.

Анна почувствовала, как по спине пробежал не просто холодок, а целый ледяной поток. Память места. Голодна. Хочет вспомнить.

— Нам нужно разорвать контакт, — сказала она, и её голос прозвучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Мы должны изолировать керн. Не заморозить — мы уже видели, что это не работает. А… экранировать. У нас есть свинцовые контейнеры для радиоактивных образцов. Они тяжёлые, но они блокируют сигналы. Если это… информационное поле, возможно, экран поможет.

Игорь нахмурился.

— Ты хочешь накрыть его свинцом?

— Да, — кивнула Анна. — Это не идеально, но это лучше, чем ничего.

Марк посмотрел на неё с надеждой, как на последнюю опору в рушащемся мире.

— И где они? — спросил он.

— В хранилище образцов, — ответила Анна. — Рядом с жилым модулем.

Игорь покачал головой.

— Чтобы туда попасть, нам нужно пройти мимо…

Он не договорил. Но все поняли. Чтобы попасть в хранилище, нужно было пройти по коридору, который пересекал тот самый «круг» в нескольких местах. И если «круг» действительно был защитой, то каждый такой переход ослаблял её.

— У нас нет выбора, — сказала Анна. — Если мы останемся здесь, он продолжит… влиять. А если мы попробуем его экранировать, у нас появится шанс.

Она посмотрела на керн. Он больше не просто светился — он пульсировал, и с каждым импульсом ледяные нити на полу становились толще, а воздух вокруг него казался плотнее.

— Ладно, — сказал Игорь, крепче сжимая гаечный ключ. — Веди. Но если что — я не герой. Я просто хочу, чтобы эта штука перестала щёлкать.

Анна кивнула. Она взяла второй фонарь, протянула Марку рацию — ту, что ещё работала на батарейках.

— Держи её включённой, — сказала она. — Если связь пропадёт — стучи по корпусу. Любой звук лучше тишины.

Они двинулись к выходу. Коридор встретил их темнотой и холодом, который теперь казался живым — он шевелился, шептал, цеплялся за ноги. Фонари выхватывали из мрака только узкие конусы света, а всё остальное пространство оставалось в тени, и в этой тени, казалось, что-то двигалось — не резко, а медленно, как будто само пространство перестраивалось.

Когда они подошли к развилке — одному из мест, где коридор пересекал линию «круга», — Анна остановилась.

— Здесь, — тихо сказала она. — Мы пересекаем границу. Держитесь вместе. Не отставайте.

Они шагнули вперёд.

И в тот момент, когда все трое оказались на другой стороне, станция снова вздрогнула. Но на этот раз вибрация была другой — не снизу, а… изнутри стен. Как будто сама структура станции сопротивлялась.

А потом по всему коридору вспыхнули тонкие ледяные прожилки — те самые, что светились в дизельном отсеке. Только теперь они не просто мерцали — они складывались в узоры. Узоры, которые Анна уже видела. Узоры из керна.

— О боже, — прошептал Марк. — Он… он рисует на стенах.

Анна смотрела на узоры, и её сердце сжималось. Это были не случайные линии. Это была схема. Схема станции. Но не такая, какой она была сейчас. А такая, какой она была в 1987 году. С другими модулями, другими коридорами, другим расположением комнат.

— Он показывает прошлое, — прошептала она. — Или… будущее.

В этот момент впереди, в конце коридора, вспыхнул яркий, ослепительный свет. Не голубой, не фиолетовый — белый, чистый, как вспышка молнии. И из этого света шагнула фигура.

Человек в полярной куртке, с капюшоном, надвинутым на лицо. Он стоял неподвижно, и от него веяло таким холодом, что даже мороз в коридоре казался тёплым.

Марк вскрикнул. Игорь поднял ключ, как оружие.

Анна сделала шаг вперёд, стараясь не дрожать.

— Кто вы? — крикнула она. — Что вам нужно?

Фигура медленно подняла голову. Капюшон откинулся.

Лицо было знакомым.

Это было лицо Анны.

Только старше. И в глазах было что-то, чего она никогда не видела в своём отражении. Что-то древнее. Что-то ледяное.

— «Не выходи из круга», — произнесла фигура её голосом. — «Он помнит нас раньше, чем мы себя».

Анна попятилась. Её собственное лицо, её собственные слова — но сказанные кем-то другим. Или… ею самой, но из другого времени.

Фигура подняла руку. И на её ладони лежал… керн 317.

Тот самый. Который остался в криокамере.

Которого там больше не было.

— Как… — начала Анна.

Но фигура только покачала головой.

— Время здесь не линейно, — сказала она. — Оно… слоисто. Как лёд. И каждый слой помнит.

С этими словами фигура шагнула вперёд. Свет вспыхнул ещё ярче — и погас.

Когда тьма рассеялась, фигуры не было. И керна в её руке — тоже.

Но на полу, прямо перед ними, лежала тонкая ледяная линия. Она вела не вниз, в тоннели. Она вела вперёд — к хранилищу. К свинцовым контейнерам.

Как будто ктото — или чтото — подсказывало им путь.

Или заманивало в ловушку.

Анна посмотрела на Игоря и Марка. Их лица были бледными, глаза — расширенными от ужаса и непонимания.

— Мы идём, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мы берём контейнеры. И мы экранируем эту штуку. Что бы это ни было.

Они двинулись вперёд. Коридор теперь казался короче, будто пространство сжалось. Или будто они уже не шли по станции, а по какому-то другому пути — по памяти льда, по его холодным коридорам.

Когда они наконец добрались до хранилища, дверь была приоткрыта. Хотя Анна точно помнила, что запирала её на кодовый замок.

Внутри было холодно, но не так, как в лаборатории. Здесь холод был обычным, честным — просто низкая температура. Никаких узоров, никаких свечений. Только стеллажи, контейнеры, ящики.

Анна быстро нашла свинцовые боксы — тяжёлые, серые, с толстыми стенками. Она схватила два, протянула один Игорю.

— Вот, — сказала она. — Мы вернёмся. Мы накроем его. И посмотрим, что будет.

Марк кивнул, но его руки дрожали, когда он брал рацию.

— Хорошо, — прошептал он. — Хорошо.

Они повернулись, чтобы выйти.

И в этот момент дверь хранилища с грохотом захлопнулась.

Замок щёлкнул.

Ктото запер их изнутри.

Или… что-то.

Анна бросилась к двери, дернула ручку — бесполезно. Дверь не поддавалась.

— Нет, — прошептала она. — Нет, только не это.

Игорь ударил по двери ключом — металл звякнул, но дверь даже не дрогнула.

— Мы заперты, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучало отчаяние.

Анна прижалась лбом к холодному металлу. Она знала, что керн ждёт. Она знала, что время уходит. И она знала, что где-то там, в темноте станции, лёд продолжает рисовать свои схемы. И помнить.

— Ладно, — сказала она, выпрямляясь. — Если мы не можем выйти… значит, мы найдём другой путь. Здесь должны быть вентиляционные шахты. Или запасной выход.

Марк смотрел на неё, как на последнюю надежду.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет, — честно призналась Анна. — Но я уверена в одном: мы не сдадимся. Не здесь. Не сейчас.

Она взяла фонарь, повела лучом по стенам. И увидела то, чего раньше не замечала.

На стене, рядом с дверью, была выцарапана линия. Тонкая, почти незаметная.

Круг.

И внутри круга — одна короткая фраза:

«Не выходи».

Глава 7. Вентиляция, в которой живут чужие сны

Хранилище пахло металлом, старым пластиком и тем специфическим, сухим холодом, который бывает только в помещениях, где годами не открывали окна. Дверь, захлопнувшаяся с глухим, окончательным стуком, теперь выглядела не просто как препятствие — она казалась стражем, который решил, что эти трое здесь лишние.

Анна прижалась к холодному металлу плечом, будто надеялась почувствовать вибрацию замка, понять, что там происходит. Но дверь молчала. И станция молчала. Даже тот низкий, ритмичный гул, который они слышали раньше, стих — будто кто-то убавил громкость всего мира.

— Ладно, — сказала Анна, отходя от двери и стараясь, чтобы голос звучал как на обычном брифинге, а не как прощальная речь. — Двери — не единственный выход. Здесь должны быть вентиляционные шахты. Или хотя бы технический лаз к системе фильтрации.

Марк, который до этого стоял, прижавшись к стеллажу, будто тот мог его защитить, поднял голову. В свете фонаря его лицо выглядело измученным, но в глазах мелькнуло что-то похожее на надежду.

— Ты знаешь, где? — спросил он.

— Примерно, — призналась Анна. — На старых схемах был люк в полу, за третьим стеллажом. Он ведёт в коллектор, а оттуда — к шахте, которая идёт параллельно основному коридору.

Игорь хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только усталость и готовность делать хоть что-то, лишь бы не стоять и не ждать.

— Значит, ищем люк, — буркнул он, опуская гаечный ключ, но не выпуская его из руки. — И если там будет темно и страшно — я не виноват.

Они быстро, но осторожно сдвинули ящики с третьего стеллажа. Под ними, как и говорила Анна, был круглый металлический люк с ржавым кольцом вместо ручки. Люк был закрыт, но не заперт — просто тяжёлый, намертво прикипевший к полу.

— Помогай, — скомандовала Анна, вцепившись в кольцо.

Вместе они потянули. Металл протестующе заскрежетал, но поддался. Под люком оказалась узкая вертикальная шахта, уходящая вниз и теряющаяся в темноте. Внизу тянуло ледяным сквозняком, и от этого воздуха хотелось зажмуриться.

— Отлично, — пробормотал Игорь. — Как раз то, что нужно: тесная труба, в которую надо лезть, когда за спиной что-то щёлкает.

— Зато там нет дверей, которые могут захлопнуться, — возразила Анна. — По крайней мере, я на это надеюсь.

Она первой полезла вниз, цепляясь за ржавые скобы, вбитые в стену шахты. Металл был ледяным, и пальцы сразу начали неметь. Марк шёл следом, а Игорь замыкал цепочку, время от времени оглядываясь наверх, будто ожидал увидеть там что-то, что лучше не видеть.

Шахта была тесной: стоило чуть шире развести локти — и они царапали металл. Фонарь Анны выхватывал из темноты только узкий конус света, а всё остальное пространство оставалось в тени, и в этой тени, казалось, шевелилось что-то невидимое.

Когда они спустились примерно на три метра, шахта выровнялась и пошла горизонтально. Теперь можно было идти, пригнувшись, но всё равно тесно — так, что плечи задевали стены.

И тут Марк вдруг остановился.

— Эй, — прошептал он, и голос его дрожал. — Я… я чтото слышу.

Анна замерла, прислушиваясь. В вентиляции всегда есть звуки: гул, свист ветра, треск металла от мороза. Но сейчас было что-то другое. Тихий, ритмичный шёпот, похожий на дыхание. Или на шёпот множества голосов, слившихся в один.

— Это вентиляция, — сказала Анна, но сама не до конца верила своим словам. — Просто воздух гуляет.

— Нет, — упрямо покачал головой Марк. — Это… слова.

Он закрыл глаза, будто пытался разобрать их. И вдруг его лицо исказилось — не от страха, а от странного узнавания.

— Я знаю этот голос, — прошептал он. — Я его… помню.

Анна шагнула к нему, схватила за руку. Кожа Марка была ледяной, а пульс — быстрым, как у загнанного зверя.

— Что ты помнишь? — спросила она.

— Не помню, — пробормотал он, открывая глаза. — Я… вижу. Как будто это не мои воспоминания. Там… там другой коридор. И другой люк. И люди в старых куртках. Они говорят… они кричат. И ещё… там пахнет дымом.

Игорь нахмурился.

— Это бред, — процедил он. — От холода. Или от страха.

— Или от него, — тихо сказала Анна, глядя в темноту впереди. — Если лёд действительно хранит память, он может… передавать её. Через вибрации. Через резонанс.

Марк сжал кулаки, будто пытался удержать реальность.

— Он показывает мне 1987 год, — прошептал он. — Я вижу, как они пытаются закрыть люк. Как кричат, что «оно поднимается». И… я вижу себя. Только не этого меня. А другого. Старшего. И он говорит: «Мы опоздали».

Анна почувствовала, как по спине пробежал ледяной поток. Не просто холод — а понимание. Лёд не просто рисовал схемы. Он транслировал воспоминания. И Марк каким-то образом оказался к этому… восприимчив.

— Держись за меня, — сказала она, крепче сжимая его руку. — Смотри на мой фонарь. На металл. На что угодно реальное. Не давай этим образам утянуть тебя.

Марк кивнул, но глаза его всё ещё были, где-то далеко — в том коридоре, в том времени.

Они пошли дальше. Шахта тянулась вперёд, изгибаясь, повторяя контуры станции. И вдруг впереди, в луче фонаря, мелькнуло что-то странное. Не металл. Не ржавчина. А тонкий, почти невидимый слой инея, покрывший стены. И на этом инее… снова были узоры. Те же самые линии, что они видели в керне. Те же схемы.

— О боже, — прошептал Марк. — Он… он везде.

Анна остановилась, провела пальцем по узору. Лёд был холодным, но не просто морозным — он будто пульсировал, как живая ткань.

— Это не просто иней, — сказала она. — Это… запись. Как магнитная лента. И сейчас она… проигрывается.

В этот момент шахта снова вздрогнула. Вибрация прошла по металлу, поднялась по стенам, заставила звякнуть инструменты в рюкзаке Игоря. И вслед за вибрацией пришёл звук — низкий, ритмичный, как удары огромного, медленного сердца. Раз. Два. Три. Четыре.

Марк вдруг дёрнулся, будто его ударило током.

— Я чувствую это, — прошептал он. — Прямо здесь. — Он прижал ладонь к груди. — Как будто оно бьётся внутри меня.

Анна посмотрела на него с тревогой. Если резонанс усиливался, если лёд «подключался» к его нервной системе — это могло быть опасно. Очень опасно.

— Нам нужно быстрее, — сказала она. — Нам нужно выбраться отсюда. И найти способ экранировать керн.

Они пошли дальше, быстрее, не обращая внимания на то, как металл царапает плечи, как холод пробирается под одежду. Шахта снова изогнулась, и впереди показался ещё один люк — на этот раз не вниз, а вбок, в сторону основного коридора.

Анна подползла к нему, потянула за ручку… и люк поддался. С тихим, почти виноватым скрипом он приоткрылся, и в шахту ворвался поток холодного, но уже знакомого воздуха станции.

Они выбрались в коридор. Здесь было чуть светлее — тот самый голубоватый свет снова мерцал в ледяных прожилках на стенах. И узоры были повсюду: на полу, на дверях, даже на потолке. Станция теперь выглядела как гигантская схема, нарисованная морозом.

— Мы почти у жилого модуля, — сказала Анна, оглядываясь. — Отсюда до хранилища свинцовых боксов — метров двадцать. Если мы сможем туда добраться…

Но она не успела договорить.

Потому что впереди, в конце коридора, снова вспыхнул яркий, ослепительный свет. И из этого света шагнула фигура.

Та же самая. Человек в полярной куртке, с капюшоном, надвинутым на лицо. Фигура подняла голову. Капюшон откинулся.

Снова лицо Анны. Старшее. Ледяное. Спокойное.

— «Не выходи из круга», — произнесла фигура её голосом. — «Он помнит нас раньше, чем мы себя».

Марк попятился, налетел на стену, едва не упал.

— Это… это невозможно, — прошептал он.

— Возможно, — тихо сказала Анна, делая шаг вперёд. — Если время здесь не линейно. Если слои памяти накладываются друг на друга.

Фигура медленно подняла руку. И на её ладони лежал… керн 317. Тот самый. Который остался в криокамере. Которого там больше не было.

— Кто ты? — крикнула Анна, и голос её прозвучал громче, чем она хотела. — Что тебе нужно?

Фигура не ответила. Вместо этого она посмотрела Анне прямо в глаза — и в этом взгляде было столько боли и усталости, что у Анны защемило сердце.

— Ты должна остановить это, — прошептала фигура. Её голос был таким же, как у Анны, но в нём слышались десятилетия холода. Потому что… никто другой не сможет.

С этими словами фигура шагнула вперёд. Свет вспыхнул ещё ярче — и погас.

Когда тьма рассеялась, фигуры не было. И керна в её руке — тоже.

Но на полу, прямо перед ними, лежала тонкая ледяная линия. Она вела не вперёд, не к жилому модулю. Она вела… назад. К лаборатории. Туда, где керн лежал на полу, пульсируя фиолетовым светом.

Как будто ктото — или чтото — подсказывало им путь. Или заманивало в ловушку.

Анна посмотрела на Игоря и Марка. Их лица были бледными, глаза — расширенными от ужаса и непонимания.

— Мы не можем просто стоять, — сказала она. — Мы должны чтото сделать.

Игорь сжал гаечный ключ так, что побелели костяшки.

— Тогда идём, — процедил он. — Туда, куда эта штука хочет нас вести.

Марк глубоко вдохнул, будто собирался нырнуть в ледяную воду.

— Хорошо, — прошептал он. — Я с вами.

Они двинулись вперёд, по ледяной линии, которая вела их обратно к лаборатории. Коридор теперь казался короче, будто пространство сжалось. Или будто они уже не шли по станции, а по какому-то другому пути — по памяти льда, по его холодным коридорам.

Когда они наконец добрались до лаборатории, дверь была приоткрыта. Изнутри лилось то самое фиолетовое свечение, пульсирующее в такт тому самому ритму, который они чувствовали в груди.

Анна остановилась у порога, подняла фонарь, направив луч внутрь.

Керн 317 лежал на полу — ровно на том месте, где они его оставили. Он пульсировал, и от него по полу тянулись толстые, как канаты, ледяные нити. Они оплетали ножки столов, цеплялись за ящики, тянулись к дверям — будто пытались удержать всех внутри.

А на стене, прямо над керном, была выцарапана фраза. Та самая, которую они уже видели.

«Не выходи из круга».

Только теперь под ней была ещё одна строка. Короткая. Жуткая.

«Он уже внутри».

Глава 8. Импульс, который должен всё стереть

Лаборатория встретила их не просто холодом — она встретила их тишиной. Но это была не та тишина, которая бывает, когда всё сломалось. Это была тишина, в которой что-то очень внимательно слушает. Фиолетовое свечение керна пульсировало ровно, будто отсчитывало удары чужого сердца, а ледяные нити, похожие на толстые жилы, оплетали всё вокруг: ножки столов, ящики, даже дверной косяк. Казалось, станция теперь держится на этом льде — как на каркасе из стекла и холода.

Анна остановилась на пороге, не решаясь переступить невидимую черту. В голове билась одна мысль: «Он уже внутри». И она начинала понимать, что это значит. Не просто лёд проник в системы. Он проник в саму структуру станции, в её геометрию, в её память. И теперь станция стала его продолжением.

Марк стоял рядом, тяжело дыша, будто только что пробежал километр по сугробам. Его пальцы слегка подрагивали, а взгляд то и дело скользил по стенам, будто он боялся увидеть там чьи-то чужие воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.